

**МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КАЗАКОВА**

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии  
Петрозаводский государственный университет  
(Петрозаводск, Российская Федерация)  
ORCID 0000-0002-5236-3423; *mvk-2013@bk.ru*

**АНГЕЛИНА АНДРЕЕВНА ДОРОЖКО**

магистрант Института филологии  
Петрозаводский государственный университет  
(Петрозаводск, Российская Федерация)  
*38gulya@mail.ru*

## ФОЛЬКЛОРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ТАТЬЯНЫ МЕШКО «КОЛДУН ЗДЕСЬ»

**Аннотация.** Впервые анализируются фольклорные и мифологические мотивы, на основе которых реализуется авторская концепция фантастической реальности в романе карельской писательницы Татьяны Мешко «Колдун здесь» (2004), что является новизной предлагаемого исследования. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью выявления способов презентации фольклорно-мифологических мотивов и образов в современной русской литературе Карелии. Работа выполнена с опорой на сравнительно-сопоставительный и описательный методы исследования, а также системный подход к анализу художественного произведения. В процессе анализа выявляются фольклорно-сказочные и мифологические рецепции, которые формируют фантастический мир романа, делаются выводы о том, что многоплановая композиция произведения организует художественное единство текста, в котором инобытийность является органической его частью. Основу авторской концепции фантастического, опирающейся на фольклорно-мифологический образ мира, составляет противопоставление своего – чужого, которое в романе приобретает обратное значение: свой – нечеловеческий, потусторонний, но гуманный, а чужой – человеческий, но наделенный инфернальной природой. Также в статье рассматриваются мотивы, образы и структурные элементы, которые участвуют в создании фантастической реальности в романе (мотив пути / дороги, волшебный помощник, антропоморфные характеристики предметного и природного мира, зооморфные черты людей) и работают на реализацию основной темы романа – борьбы добра и зла, сохранения гуманистического идеала человека в современном мире. Результаты работы могут быть использованы в исследованиях современного литературного процесса, а также в вузовских курсах и спецкурсах, рассматривающих историю русской литературы, русскоязычной литературы Карелии.

**Ключевые слова:** Татьяна Мешко, современная литература, роман «Колдун здесь», мифология, фольклор, сказка, фантастическая реальность, поэтика, символика цвета

**Благодарности.** Исследования, описанные в данной работе, были проведены в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов, аспирантов и лиц, имеющих ученую степень, финансируемой Правительством Республики Карелия.

**Для цитирования:** Казакова М. В., Дорожко А. А. Фольклорные и мифологические мотивы как способ создания фантастической реальности в романе Татьяны Мешко «Колдун здесь» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1162

### ВВЕДЕНИЕ

Современная художественная литература отличается многослойностью структуры, полифоничностью текста, совмещением разных жанровых признаков, интертекстуальностью, что связано во многом со стремлением авторов

к раскрытию знаковых потенций, отражающих современное видение мира во всем многообразии его вариаций. Обновление форм, методов и приемов привело к возникновению большого корпуса художественных текстов на стыке реальности и фантастики, в которых авторы стремятся,

с одной стороны, выйти за грани традиционных художественных способов создания произведений, с другой – осмыслить перемены в жизни современного общества, которые, по всей видимости, не всегда легко объяснить с позиции логики.

Совмещение реального и фантастического в художественном тексте нельзя назвать феноменом только последних десятилетий, оно прослеживается на протяжении длительного времени развития художественной словесности, например в произведениях Э. Т. А. Гофмана [1: 13–14], Н. В. Гоголя [16], А. С. Грина [9], М. А. Булгакова [2], Г. Г. Маркеса [3] и многих других.

Фантастический мир, согласно Е. М. Неёлову, впервые возникает в «фольклоре, в эпоху крушения мифологического сознания», а «фольклорно-сказочный фантастический мир – первый, с которым встречается человек и сегодня» [12: 36–37]. Таким образом, в художественном произведении мы имеем дело с авторской концепцией фантастического, основанной на фольклорно-мифологическом образе мира, изучение которого способствует погружению в текст и раскрытию авторской идеи, а также сохранению традиций народа, которого представляет писатель, что и обуславливает актуальность темы исследования.

Материалом исследования послужил роман карельской писательницы Татьяны Мешко «Колдун здесь» (2004), в котором реальный и инобытийный миры находятся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении. Их слияние обеспечивает гармонию целостного восприятия текста, а фантастическое становится реальным фактом повествования, без которого он немыслим. Фантастическая реальность в романе формируется в результате трансформации сказочной реальности, разработанной на основе фольклорной волшебной сказки, специфика и структура которой детально исследованы в работах В. Я. Проппа [13], [14], а также использования фольклорных и мифологических мотивов и образов.

Целью данной статьи является анализ фольклорных и мифологических мотивов, которые легли в основу создания Т. Мешко фантастического мира в романе «Колдун здесь». Использованы сравнительно-сопоставительный, описательный методы исследования, а также системный подход к анализу художественного произведения. Новизна работы заключается в детальном исследовании приемов, методов и образов, к которым Татьяна Мешко прибегает для создания художественного мира на грани реальности и фантастики.

## ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ «КОЛДУН ЗДЕСЬ»

Татьяна Александровна Мешко (1949–2022) родилась в городе Салехарде, окончила в 1972 году Днепропетровский государственный университет по специальности «филология», затем приехала в Петрозаводск, где начала работать в Карельском краеведческом музее и на карельском телевидении. Подготовка телепередач о культуре Карелии повлекла за собой и интерес к традициям, устному народному творчеству жителей края, что в дальнейшем нашло отражение в литературном творчестве.

Творческому пути Татьяны Мешко посвящены статьи Р. П. Коломайнена [5], Е. И. Марковой [10], Е. М. Неёлова [11], В. А. Слепкова [15], которые, рассуждая о творческом методе Т. Мешко, называют его «метареализмом» [5], соединением «сказки, точнее, фэнтези, и жестокого реалистического (даже порой натуралистического) бытоописательства» [11: 4], «магическим реализмом» [15: 237], с помощью которого писательнице удается представить свой «взгляд на мир, обнимающий видимое и невидимое, то реальное, что можно осязать, и то необъяснимое, что можно лишь почувствовать» [15: 237].

Роман «Колдун здесь» имеет подзаголовок «на основе реальной судьбы заонежского колдуна» и повествует о нелегкой судьбе колдуна Степана Трухавого и его взаимоотношениях с окружающим миром, который отвергает его новую колдовскую сущность, губительную для его близких, отделяющую его от мира людей.

«Под землей корни, что веревки... Парень отпускает страх на волю. Его страх орудует сам по себе. Страх яростно выдирает из-под земли охапку толстых корней. Закручивает все в тугие петли. Швыряет капкан под ноги лошади. Лошадь с разбега падает в травы, валится на бок, лупит воздух копытами. Не конь, а срубленное дерево! Без топора срубленное!»<sup>1</sup>

Напомним, что, по словам писательницы, в основу произведения легли рассказы о заонежских колдунах, а, согласно К. К. Логинову,

«к колдунам в Заонежье относили две категории лиц: тех, кто был обвинен общественным мнением в “порче” человека, и тех, кто (опять же в глазах общественного мнения) “знался” с нечистой силой. Применял ли колдун свои магические знания для “порчи” людей, было уже не важно. Главное, что он “связался с нечистой” и потенциально способен совершить “порчу”» [8: 176],

поэтому односельчане и испытывают к Степану двоякие чувства. С одной стороны, он вырос на глазах у всей деревни, с другой – он теперь

связан с потусторонним миром, способным причинить вред. Смерть матери и двух сестренок-погодок на пожаре как кара за принятие в себе нечистой сути разделяет его жизнь на до и после. В силу того что Степан Трухавый из деревни Трухавки является теперь представителем «нечистой силы», то есть чужого мира, он изгоняется из мира людей. Во многом этот уход является добровольным, поскольку некогда свой мир (мир людей) обличается чужим. Оппозиция «свой – чужой» является характерным приемом построения волшебной сказки, а в романе «Колдун здесь» выступает и движущей силой повествования, в котором главный герой, как и герой волшебной сказки, отправляется на поиски счастья, что в случае со Степаном становится поиском себя и своего мира. В романе происходит «подмена» сказочной оппозиции. Чужой мир (мир людей) представлен такими отталкивающими локусами, как деревня, город, остров (до того, как люди его покинули). В них господствуют человеческие пороки, которые «кличут в народе Пьянством, Беспамятством, Воровством» (66). Они предстают в виде нечисти: «У Пьянства мутные глаза и безжалостные, дрожащие лапы <...> У Беспамятства круглая, блеклая рожа без рта, ушей и зрачков, но сильные и глупые мышцы» (66). Мир людей погряз в безнравственности, распутстве и напоминает скорее потустороннее царство, наполненное нечистью, чем мир людей.

Этот перевернутый мир, в котором люди, «словно бесы из мрака, словно родные дети смертного, городского яда» (143), отправляет Колдуна в путь или бегство. Он не готов сражаться, как герой сказки, а ищет свое место в этом мире и находит его в лице другого колдуна – Ивана Суховерха, который и стал проводником / помощником Степана в мир колдовства и зла. Молодого колдуна ценят люди, выстраиваясь в длинные очереди «на прием», а тот видит свое предназначение в помощи страждущим, стремится направить силу на благо людям, поэтому никогда не отказывает просящим, пытаясь таким образом загладить вину за гибель своих близких:

«Степан Трухавый один на один с очередью. Раздает мешочки с травами, банки с настоями, бумажки с заклятиями, свертки с перьями...» (60).

Идиллия заканчивается, когда Степан вынужден покинуть избу дяди Суховерха после его смерти и отправиться опять на поиски своего дома. После долгих скитаний он поселяется на безлюдном острове, который был проклят людьми за их же нечеловеческие деяния. С одной стороны, согласно мифологическим

представлениям, благодаря своей удаленности и малодоступности остров ассоциируется с сакральным местом, отделенным «от греховного и суетного либо неблагополучного и неустроенного мира» [7: 153] своеобразным раем, который обретает главный герой Степан Трухавый после долгих скитаний в мире людей. С другой стороны, остров наделен инфернальной семантикой, то есть является местом обитания потусторонней силы, с которой главный герой умеет общаться, договариваться, потому что сам является ее частью.

«Колдун Трухавый поклонился избе и сказал: – Принимай, Домовик! Теперь я тута жить стану! В ответ что-то скрипнуло, звякнуло, зашуршало, зашелестело, заскребло и стихло. Домовик принял колдуна в соседи» (69).

Оппозиция «свой (человеческий) – чужой (нечеловеческий)» в произведении «Колдун здесь» имеет обратное смысловое значение: свой мир (нечеловеческий) – гуманен, милосерден, приветлив, живет по принципу взаимоуважения, а чужой (человеческий) – порочен, безнравственен, беспринципен, вызывает страх и отвращение. Данная перевернутая структура позволяет показать несовершенства человеческого общества, в котором люди напоминают существ из потустороннего мира. Таким образом, фантастическое в романе нарастает, не вытесняя при этом реалистическое повествование.

Герой трижды перемещается в пространстве между локусами, при этом все три раза происходит фактическое передвижение из пункта в пункт, обусловленное стремлением Колдуна обрасти дом. Он вынужден покинуть Остров, который отвергает героя (стихия уничтожает все на своем пути), и искать новое место обитания. Таким местом должен стать Город, наделенный, по мнению самого Степана, губительной сущностью:

«Город не знался с природой, держал ее в пасынках. Город был наполнен тяжелой, беспокойной силой, как мутная бутыль опасным ядом. Колдун знал толк в ядах, но этот кормился не от кореньев и трав, а от поступков, мыслей, страданий и даже снов – от самого человека кормился, как насекомое-паразит» (143).

Прежде чем попасть в этот иной / чужой мир людей, герой вынужденно проходит испытания, преодолевая путь по воде и под землей. Вода, согласно мифам о сотворении мира, имеет «вселенский масштаб» и ассоциируется, с одной стороны, с состоянием изначального хаоса («без границ и горизонтов» (115)), с другой – с первородной стихией [6: 21]. Необустроенность водного пространства, которое герой стремится

покинуть, связана с актом очищения / перерождения мира, который устал от человеческих действий:

«Ливень не проходил. Видать, решил напоить землю до отрыжки. И земля отрыгала лишнее и слабое. <...> Но мир не думал покончить жизнь самоубийством. Он взбунтовался для острастки жестоких и беспечных людей» (115).

Создание нового предполагает устранение всего прежнего, поэтому и вода отвергает Колдуна, выкидывая его на сушу. Далее путешествие в Город проходит по подземному туннелю, в котором герой чувствует себя комфортно, обустраивается. Инфернальной сущностью Города обуславливается путешествие Степана по подземелью, которое осмысляется как вход в нижний мир, преодолев который, герой добирается до места назначения. Трансцендентный переход заканчивается благополучно – герой обретает дом (квартиру), в котором готов строить новую жизнь.

С переходом в чужое пространство связано и приобретение Степаном Горбика, который становится волшебным помощником, определяющим его дальнейшие поступки. Накопившаяся нерастроченная волшебная сила внутри Колдуна вырастает в Горбика (позже в огромный Горб), который управляет Степаном и помогает ему освоить природу новой силы. Внешнее уродство компенсируется добрыми помыслами и действиями, которые горбатый Колдун теперь может совершать на пользу людям, чтобы превратить порочный мир людей обратно в человеческий. Но даже волшебные силы не способны изменить окружающую действительность: одна «подправленная» судьба ничего не значит в потоке общего хаоса. Чуда не происходит. Окружающий порочный мир искривляет судьбу, втягивает человека в вихрь безнравственности, не дает обрести счастье. Поэтому волшебство, направленное на благо, оборачивается бедой: «не миллионной счастливницей будет жить Люся Спицына, а двадцать первой наложницей сладострастного миллионера» (191). Попытки чудесным образом исправить жизнь других людей приводят к осознанию простой истины: только от искреннего желания и силы воли самого человека зависят его судьба и окружающий мир.

Палитра романа также является инструментом для создания фантастической стороны произведения: на протяжении всего повествования встречается рыжий цвет и, реже, производящие его колоративы – красный и желтый. Красный цвет в русской культуре обладает полисемантичностью – это символ красоты и любви, так-

же он ассоциируется с кровью, являющейся как символом жизни, так и смерти [4: 70]. Желтый – наделен отрицательной коннотацией, связан с болезнью, болью, смертью. Смешение красного и желтого в цветовой палитре порождает оранжевый / рыжий, символизирующий огонь: «Только прядь рыжая цветом налилась, вот-вот вспыхнет» (39). Доминантной характеристикой инаковой природы Колдуна и мира вокруг является рыжий цвет, подчеркивающий оппозицию «свой – чужой». При этом рыжий определяет исключительность обладающего: рыжая прядь волос, выделяющая колдовскую сущность Степана; рыжий огонь, уничтожающий дом и семью героя; рыжие муравьи, напившиеся крови колдуна и превратившиеся в огромных великанов, которые «отчистили остров до кукольного блеска» (96); рыжие, пришедшие во власть, создающие свое государство; «рыжики» – деньги, с помощью которых рыжие во власти управляют другими людьми.

По словам Е. И. Марковой, рыжий цвет ассоциируется как с огнем, который сжигает все на своем пути, так и с солнечным светом, озаряющим путь в светлое будущее, «в которое устремляются любящие друг друга мужчина и женщина» [10: 182]. Будущее героя зависит от того, сможет ли он укротить открывшуюся в себе силу «под рыжей прядкой волос» (20) или встанет на сторону зла. Рыжий цвет всегда был чем-то кричащим, выделялся и запугивал окружающих, связан с нечистой силой. Чаще всего рыжий символизирует борьбу добра со злом, которым невозможно существовать отдельно. Так и внутри самого Степана Трухавого ведется борьба: должен ли он помочь человеку в беде или лучше не вмешиваться в его судьбу.

Мифологические представления о неразрывной связи человека и природы осмысляются в романе через обилие антропоморфных характеристик и сравнений предметов с природными объектами, что позволяет создать «живой» мир, обладающий созидающей функцией:

«Степка и сегодня может прочитать по руке папоротника, что было, что есть и что будет. Степка трогает широкую, зеленую ладонь – у папоротника впереди счастливая и долгая жизнь» (43).

Прием одушевления бытовых предметов – один из наиболее характерных способов введения в текст романа рассказов о жизни встречаемых Степаном людей. В руках колдуна оживают вещи, к которым некогда прикасались руки человека, и рассказывают ему всю правду. Недоступный пониманию простого смертного мир открывается колдуну, помогает или препят-

ствует совершению деяний. Предметный мир наполнен жизнью, звуками, эмоциями: изба «вопит от боли, как человек» (34), «простуженно кряхтит» (74), норовит «ущипнуть, царапнуть, ударить, выгнать в стужу и тьму» (78), утюжок лопочет «с колдуном на своем детском» (67), при этом предметный мир сохраняет свое бытовое предназначение. Данная бинарная функция предметов усиливает эффект слияния реального и ирреального миров, создает ощущение единства бытийного космоса, в котором фантастическое воспринимается его частью.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совмещение реального и фантастического в романе Татьяны Мешко «Колдун здесь» воплощается в использовании мифологических и фольклорных мотивов, которые проецируют в сознании знакомые архетипы. Таким образом, слияние реального и ирреального воспринимается как единое целое, опирающееся на ранее имеющийся опыт. Фольклорно-сказочные мотивы воплощаются в романе через оппозицию «свой (человеческий) – чужой (нечеловеческий)», при этом данное противопоставление носит обратный характер: «свой (нечеловеческий) – чужой (человеческий)» и служит для создания гротескного образа инфернальной сущности человеческого мира, в котором господствуют пороки и слабости. Мотив пути / дороги в поисках счастья реализуется в романе фактически трижды и не является добровольным выбором Степана, но приводит его к осознанию себя частью окружающего мира, в котором он сам вершит свою судьбу и заставляет вернуться к первоисточни-

ку бед, то есть к своему прошлому. На своем пути герой встречает препятствия (вода, подземный тоннель), которые ему необходимо преодолеть для достижения цели своего путешествия, то есть попасть в мир чужих – Город, который наделяется характеристиками потустороннего царства, пугает героя, не желая принимать. Окружающие люди – порождение этого чужого мира – являются его отражением и определяют его будущее, погрязшее в хаосе бытия. Спасение видится лишь в возможной волшебной помощи извне, которая приходит в лице Колдуна, но даже он не может изменить судьбу человечества, которое отвергает общегуманистические ценности и идеалы, для которого деньги выступают мерой истины в жизни.

Для создания фантастической реальности автор прибегает к антропоморфным характеристикам природного и предметного мира, зооморфным чертам в описании человеческого облика и деяний, колоративной образности, подчеркивающей исключительную природу обладающего.

Синтез фантастического и реалистического в романе «Колдун здесь» создает особую мета-реальность повествования, которая опирается на известные фольклорно-сказочные мотивы и мифологические представления.

Наличие фантастического в романе Татьяны Мешко «Колдун здесь» позволяет выстроить с читателем разговор о мере человеческого в человеке, о противоборстве добра и зла. Открытый финал романа оставляет этот разговор незавершенным, но довольно оптимистичным: Колдун начинает свою третью жизнь с чистого листа.

## ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> Мешко Т. А. Колдун здесь (на основе реальной судьбы заонежского колдуна): Роман. Петрозаводск: Скандинавия, 2004. С. 20. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А в д е й З . А . Мифо-фантастическая реальность в литературном творчестве Эрнста Теодора Амадея Гофмана // Весник БДУ. Серия 4: Філалогія. Журналістика. Педагогіка. 2015. № 1. С. 11–15.
2. Г о р о х о в П . А . Историческая фантастика Михаила Булгакова. Опыт философского прочтения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 4 (29). С. 4–9.
3. К а з а н к о в а К . В . Феномен «магического реализма» в малой прозе Г. Г. Маркеса // Кормановские чтения – 2010: Статьи и материалы межвуз. науч. конф. Вып. 9. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2010. С. 445–453.
4. К о з ь я к о в а М . И . Красный цвет как исторический символ русской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4 (114). С. 68–79.
5. К о л о м а й н е н Р . Исправляя прошлое [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/19332-ispravlyayu-proshloe> (дата обращения 30.07.2024).
6. К р и н и ч н а я Н . А . Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: исследования, тексты, комментарии. М.: Академический проект, 2024. 467 с.
7. К р и н и ч н а я Н . А . Русская мифология. Человек на перепутье миров: былички, бывальщины, легенды, поверья о поисках и посещениях заповедных мест и миров. 2-е изд. М.: Академический проект, 2023. 298 с.

8. Логинов К. К. Колдуны Заонежья: истинные и мнимые // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000. С. 176–186.
9. Лопуха А. О. Фантастический мир Александра Грина // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990. С. 112–114.
10. Маркова Е. И. Судьба России и любовь (гендерные аспекты в романе Татьяны Мешко «Кодун здесь») // Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России / Карельский центр гендерных исследований. Петрозаводск, 2005. С. 177–182.
11. Неёлов Е. М. Вместо предисловия // Мешко Т. А. Колдун здесь (на основе реальной судьбы заонежского колдуна): Роман. Петрозаводск, 2004. С. 4–5.
12. Неёлов Е. М. Фантастический мир как категория исторической поэтики // Проблема исторической поэтики. Петрозаводск, 1990. С. 31–40.
13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Эксмо, 2024. 480 с.
14. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Эксмо, 2024. 224 с.
15. Слепков В. О времени и о стране // Север. 2014. № 3/4. С. 236–239.
16. Хусаинова Р. М. Типы фантастического в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 592–595.

Поступила в редакцию 10.10.2024; принята к публикации 31.01.2025

---

#### Original article

**Maria V. Kazakova**, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)  
 ORCID 0000-0002-5236-3423; [mvk-2013@bk.ru](mailto:mvk-2013@bk.ru)

**Angelina A. Dorozhko**, Master's Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)  
 38gulya@mail.ru

### FOLKLORE AND MYTHOLOGICAL MOTIFS AS MEANS OF CREATING FANTASY REALITY IN TATYANA MESHKO'S NOVEL *THE SORCERER IS HERE*

**A b s t r a c t.** This article presents a novel analysis of folklore and mythological motifs that underpin the author's realization of the concept of fantasy reality in the novel *The Sorcerer Is Here* (2004) by a Karelian writer Tatyana Meshko. The relevance of this study stems from the necessity to identify means for representing folklore and mythological motifs and images in modern Russian literature of Karelia. Employing comparative and descriptive research methods along with a systematic approach to literary analysis, the study reveals universal folkloric and mythical elements that construct the novel's fantasy world. The findings suggest that the intricate multifaceted composition of the work fosters its artistic unity in which the concept of "otherness" is integral. Central to the author's fantasy concept is the dichotomy of "us" versus "them," which inverts traditional meanings: "us" refers to the inhuman and weird, yet somehow humane, while "them" represents the human, yet with an infernal nature. The article also delves into various motifs, images, and structural elements that contribute to the creation of the fantasy reality in the novel, including the motif of the path (or road), magical assistants, anthropomorphic traits in the objective and natural worlds, and zoomorphic characteristics of human beings. These elements collectively reinforce the central theme of the novel – the struggle between good and evil and the preservation of the human ideal in the modern world. The results of this research can be valuable for future studies of contemporary literary processes and can be incorporated into university curricula and specialized courses on the history of Russian literature and the Russian-language literature of Karelia.

**K e y w o r d s :** Tatyana Meshko, modern literature, novel *The Sorcerer Is Here*, mythology, folklore, fairy tale, fantasy reality, poetics, color symbolism

**A c k n o w l e d g e m e n t s .** The research was conducted as part of the R&D Support Program for undergraduate and graduate students and degree holders at Petrozavodsk State University funded by the Government of the Republic of Karelia.

**F o r c i t a t i o n :** Kazakova, M. V., Dorozhko, A. A. Folklore and mythological motifs as means of creating fantasy reality in Tatyana Meshko's novel *The Sorcerer Is Here*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1162

#### REFERENCES

1. A u d z e i , Z. A. Mythic-fantastic reality in Ernst Theodor Amadeus Hoffmann's literary opus. *Весник БДУ. Серия 4: Філологія. Журналістика. Педагогіка*. 2015;1:11–15. (In Russ.)

2. Gorokhov, P. A. Historical fiction by Mikhail Bulgakov. The experience of philosophical interpretation. *Vestnik of Orenburg State University*. 2004;4(29):4–9. (In Russ.)
3. Kazankova, K. V. The phenomenon of “magical realism” in small prose of Gabriel Garcia Marquez. *The Kormanov Readings – 2010: Proceedings of the interuniversity research conference*. Issue 9. Izhevsk, 2010. P. 445–453. (In Russ.)
4. Koz'yakova, M. I. Red as a historical symbol Russian culture. *Vestnik of Moscow State University of Culture and Arts*. 2023;4(114):68–79. (In Russ.)
5. Kolomaynen, R. Correcting the past. Available at: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/19332-is-pravlyaya-proshloe> (accessed 30.07.2024). (In Russ.)
6. Krinichnaya, N. A. The mythology of water and water basins. Folklore accounts, legends, beliefs, cosmogonic and etiological stories of the Russian North: research, texts, commentary. Moscow, 2024. 467 p. (In Russ.)
7. Krinichnaya, N. A. Russian mythology. A man at the crossroads of worlds: folklore accounts, legends, beliefs about the search and visits to protected places and worlds. Moscow, 2023. 298 p. (In Russ.)
8. Loginov, K. K. Real and fake sorcerers of Zaonezhye. *Masters and artistic tradition of the Russian North*. Petrozavodsk, 2000. P. 176–186. (In Russ.)
9. Lopukha, A. O. The fantastic world of Alexander Green. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 1990. P. 112–114. (In Russ.)
10. Markova, E. I. The fate of Russia and love (gender aspects in Tatyana Meshko's novel *The Sorcerer is Here*). *Gender in the works of contemporary writers from among the indigenous peoples of the European North of Russia*. Petrozavodsk, 2005. P. 177–182. (In Russ.)
11. Neyolov, E. M. Instead of foreword. *Meshko, T. A. The Sorcerer Is Here: based on a real life of a Zaonezhye sorcerer: Novel*. Petrozavodsk, 2004. P. 4–5. (In Russ.)
12. Neyolov, E. M. The fantasy world as a category of historical poetics. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 1990. P. 31–40. (In Russ.)
13. Propp, V. Ya. The historical roots of the fairytale. Moscow, 2024. 480 p. (In Russ.)
14. Propp, V. Ya. The morphology of the fairytale. Moscow, 2024. 224 p. (In Russ.)
15. Slepkov, V. About the time and the country. *Sever*. 2014;3/4:236–239. (In Russ.)
16. Husainova, R. M. Fantasy in the collection of stories “Evenings on a Farm Near Dikanka” by N. V. Gogol. *Bulletin of Bashkir State University*. 2014;19(2):592–595. (In Russ.)

Received: 10 October 2024; accepted: 31 January 2025